

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
28 January 2022
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 871/2018* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Сиди Абдаллой Аббахом (представлен адвокатом Ольфой Улед)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Марокко
<i>Дата сообщения:</i>	9 мая 2018 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 17 мая 2018 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	24 ноября 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	пытки во время содержания под стражей
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; злоупотребление правом на подачу жалобы
<i>Вопросы существа:</i>	пытки и жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание; меры для предупреждения актов пыток; систематический надзор за условиями содержания под стражей и методами обращения с заключенными; обязательство государства-участника обеспечивать незамедлительное проведение беспристрастного расследования компетентными органами; право на подачу жалобы; право на получение возмещения
<i>Статьи Конвенции:</i>	1, 2, 11, 12, 13, 14, 15 и 16

* Принято Комитетом на его семьдесят второй сессии (8 ноября — 3 декабря 2021 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Клод Хеллер, Эрдоган Ишджан, Илвия Пуце, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе, Бахтияр Тузмухамедов и Петер Ведель Кессинг. В соответствии с правилом 109, рассматриваемым в совокупности с правилом 15, правил процедуры Комитета, а также пунктом 10 Руководящих принципов в отношении независимости и беспристрастности членов договорных органов по правам человека (Аддис-Абебские руководящие принципы) Эссадия Бельмир в рассмотрении сообщения не участвовала.

1.1 Заявителем является Сиди Абдалла Аббах, марокканец 1975 года рождения, уроженец Западной Сахары. Он утверждает, что государство-участник нарушило статьи 1, 2, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 Конвенции. Государство-участник сделало заявление в соответствии со статьей 22 (пункт 1) Конвенции 19 октября 2006 года. Заявитель представлен адвокатом Ольфой Улед.

1.2 17 мая 2018 года в соответствии с правилом 114 (пункт 1) своих правил процедуры и с учетом информации, представленной заявителем, Комитет, действуя через своего Докладчика по новым сообщениям и временным мерам, просил государство-участник: а) приостановить все меры изоляции, применяемые к заявителю; б) предоставить заявителю возможность пользоваться услугами врача по его выбору; и с) определить и незамедлительно осуществить меры, альтернативные содержанию под стражей, такие как домашний арест, с тем чтобы избежать дальнейшего ухудшения состояния его здоровья. На основе информации, представленной заявителем, Комитет вновь подтвердил 1 июня, 29 июня и 21 сентября 2018 года все временные меры, которые были запрошены 17 мая 2018 года. 21 сентября 2018 года Комитет также просил государство-участник ответить на утверждения заявителя относительно выполнения временных мер. Ответы государства-участника содержатся в пунктах 6.1–6.5 настоящего решения.

1.3 21 сентября 2018 года по просьбе государства-участника Комитет, действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям и временным мерам, принял решение рассмотреть вопрос о приемлемости данного сообщения отдельно от его существа. 5 августа 2019 года Комитет признал данное сообщение приемлемым. Он напомнил о временных мерах и просил государство-участник облегчить свидания заявителя с членами его семьи и предоставить ему возможность регулярно встречаться со своими родственниками и адвокатом с учетом большого расстояния между ними. В этой связи Комитет предложил государству-участнику перевести заявителя в центр содержания под стражей, расположенный ближе к его семье. На основе информации, представленной заявителем, Комитет 16 октября 2020 года вновь подтвердил все временные меры и просил государство-участник ответить на утверждения заявителя относительно выполнения временных мер. Ответы государства-участника содержатся в пункте 9.10 настоящего решения.

Факты в изложении заявителя

2.1 Начиная с 9 октября 2010 года тысячи сахарцев, проживающих в Западной Сахаре, покинули свои дома и переехали во временные лагеря, расположенные на окраинах городов, в том числе в лагерь Гдейм Изик вблизи Эль-Аюна. Эта акция была направлена на то, чтобы заявить об экономической и социальной дискриминации, которой, как считают сахарцы, они подвергаются со стороны государства-участника. Заявитель присоединился к лагерю с момента его создания и был главой комитета, который отвечал за снабжение жителей лагеря.

2.2 8 ноября 2010 года военнослужащие марокканской армии, вооруженные водометами и слезоточивым газом, напали на лагерь Гдейм Изик, в котором на тот момент проживало более 20 000 сахарцев. Во время принудительной эвакуации из лагеря произошли столкновения между армией и сахарскими демонстрантами, в ходе которых, по сообщениям, были убиты марокканские солдаты. За этим последовала волна жестоких репрессий, осуществлявшихся марокканскими силами безопасности при поддержке марокканских гражданских лиц, проживающих на сахарской территории.

2.3 19 ноября 2010 года заявитель был похищен марокканскими властями, когда он находился в своем доме в компании М.Б., который в настоящее время также содержится под стражей в связи с делом лагеря Гдейм Изик. Бойцы спецназа повалили обоих на пол и стали их избивать, оскорблять и угрожать им расстрелом. Несмотря на отсутствие реакции со стороны двух друзей, находившихся в шоковом состоянии, бойцы спецназа начали нещадно бить их по всему телу и по лицу. Это жестокое избиение сопровождалось оскорблениями и угрозами. После этого на них надели наручники, завязали глаза и бросили в фургоны, где они продолжали подвергаться насилию со стороны сотрудников полиции до прибытия в Главное управление

национальной безопасности в Эль-Аюне. Заявителю так и не был предъявлен ордер на арест.

2.4 В помещениях Главного управления заявителя допрашивали в течение девяти часов, полностью обнаженного, с наручниками на руках, заведенных за спину, и повязкой на глазах. Его подвергали всевозможным формам насилия, в частности ему наносили удары по всему обнаженному телу различными предметами, такими как железные прутья, включая удары ремнем по кошонке. В частности, сотрудники раздвинули ему ноги, чтобы между ними можно было вставить пластиковый стул. Таким образом, когда они тянули скованные наручниками запястья заявителя к ножке стула, боль распространялась по всему его телу. Заявителя также подвергали особым формам пыток, таким как «фалака» и «жареная курица», с целью причинить ему максимальные страдания, но при этом не дать ему умереть, для того чтобы добиться от него признательных показаний. Он смог узнать голос бывшего главного полицейского инспектора, который показал заявителю фотографию человека и попросил опознать его. Когда заявитель повторил, что он не знает человека на фотографии, высокопоставленный сотрудник разозлился и приказал присутствующим сотрудникам ужесточить пытки. Заявитель также подвергался унижающему достоинство обращению, в частности угрозам изнасилования и сексуальным надругательствам, и его мучители мочились на его лицо, которое было покрыто открытыми ранами. Целью этих действий было заставить его опознать своего друга М.Б. на фотографиях и видеозаписях, в которых М.Б. не фигурировал. Несмотря на требования властей, заявитель продолжал отрицать, что на предъявленной фотографии изображен его друг М.Б., и поэтому мучители продолжали его пытать. Позже мучители сняли повязку с глаз заявителя, чтобы показать ему видеозапись, загруженную на один из их телефонов. На ней фигурировал мужчина, мочившийся на труп, однако заявитель отрицал, что этим человеком был его друг М.Б.

2.5 Затем заявителя с завязанными глазами и в наручниках вновь бросили в автомобиль и доставили в жандармерию Эль-Аюна. Там его заставили стоять на коленях, оставаясь с завязанными глазами и в наручниках, лицом к стене снаружи жандармерии, вместе с его другом М.Б., которого он узнал по его крикам боли. После того как заявитель пробыл некоторое время в этом положении, его переместили внутрь здания. Его мучители показали ему те же фото и видео. После того как он снова сказал, что не знает, кто на них фигурирует, его подвергли таким же актам насилия и пыток, когда он находился в коридоре под надзором жандармов. Затем его оставили более чем на 24 часа около наружной стены здания в наручниках и с завязанными глазами, полураздетым несмотря на зимнюю ночь, страдающим от жажды и голода, изможденного и чрезвычайно ослабленного после двух дней пыток, которым он подвергался. В течение этих 24 часов охранники продолжали пытать его, нанося ему удары, мочась на него или поливая его маслом, а также запихивая ему в нос и рот зажженные сигареты.

2.6 По прошествии 24 часов, 21 ноября 2010 года, заявитель был доставлен в отделение жандармерии, где его принудили подписать документы, с которыми он не имел возможности ознакомиться. В ходе судебного разбирательства он обнаружил, что в подписанном им протоколе расследования от 20 ноября 2010 года¹ содержались ложные обвинения и ответы на вопросы, на которые он никогда не отвечал.

2.7 22 ноября 2010 года заявитель был доставлен самолетом в Рабат для встречи со следственным судьей, который был одет в военную форму. Во время поездки сотрудники правоохранительных органов продолжали избивать заявителя. В ходе беседы со следственным судьей заявитель показал следы ударов и многочисленные раны на всем теле. Кроме того, он заявил, что он подвергался пыткам в течение двух дней до его встречи со следственным судьей. Ни одно из его утверждений не было зарегистрировано, и по ним не было начато никакого расследования. Следственный судья просто распорядился поместить его под стражу в тюрьму Сале-2 в Рабате

¹ Согласно протоколу, семья заявителя была проинформирована о его задержании и дате его явки к прокурору.

начиная со следующего дня. Его обвинили в умышленном избиении до смерти полицейского, совершенном в составе преступной группы.

2.8 В тюрьме Сале-2 заявитель содержался в одиночном заключении более трех недель, в течение которых он имел доступ только к строгому минимуму, необходимому для выживания. Он также подвергался пыткам, подобным тем, которым он подвергался ранее. По истечении этих трех недель, 8 декабря 2010 года, заявителю удалось получить лишь пятиминутное свидание со своим братом, который всего несколькими днями ранее узнал, что заявитель находится в руках властей и что он жив.

2.9 4 марта 2011 года заявитель впервые предстал перед следственным судьей. Он вновь заявил о пытках, которым он подвергался, но и в этом случае расследование не было начато. Во время второго допроса, 4 ноября 2011 года, заявитель повторил, что он был вынужден подписать свои признательные показания после того, как он был подвергнут пыткам, когда был в наручниках. Следственный судья, который обосновал обвинительное заключение по делу заявителя тем, что тот дал показания добровольно, передал дело в военный суд в Рабате. Судебный процесс над заявителем и его сообвиняемыми состоялся 1 февраля и 8–16 февраля 2013 года в Рабате. 15 февраля 2013 года военный суд в Рабате отклонил ходатайство^{2,3} о расследовании актов пыток⁴. 17 февраля 2013 года заявитель был приговорен к пожизненному заключению (на основании предполагаемых признательных показаний, правдивость которых он оспаривал, поскольку его пытали) за принадлежность к преступной группе, совершение насилия, повлекшего за собой преднамеренную смерть должностного лица при исполнении им своих обязанностей, и осквернение трупа.

2.10 После этого судебного разбирательства несколько международных организаций указали на отсутствие доказательств и на то, что не было проведено эффективного расследования заявлений о применении пыток. Заявитель сам инициировал несколько гололовок, осудив несправедливый характер процедуры и отсутствие слушаний в Кассационном суде, которому было предложено рассмотреть апелляцию.

2.11 27 июля 2016 года Кассационный суд отменил решение военного суда и передал дело в Апелляционный суд Рабата. Повторное судебное разбирательство началось 26 декабря 2016 года. Утверждения о применении пыток были подтверждены адвокатами и обвиняемыми с самого начала нового судебного процесса. Все обвиняемые несколько раз на протяжении всего судебного разбирательства обращались к Апелляционному суду с ходатайством аннулировать протоколы, подписанные под пытками, и изъять их из материалов дел⁵. 25 января 2017 года, т. е.

² Суд счел, что обвиняемые имели возможность подать такое ходатайство в ходе предварительного расследования, однако они пренебрегли этим и что между судебным разбирательством и предварительным расследованием прошло много времени.

³ В изложении дела, направленном в военный суд 31 января 2013 года, адвокат заявителя осудила тот факт, что признательные показания были подписаны обвиняемыми под пытками в нарушение статьи 22 Конституции и статьи 293 Уголовно-процессуального кодекса. Суд не предпринял никаких действий. Впоследствии, в ходе слушания, состоявшегося 8 февраля 2013 года, адвокат осудила тот факт, что следственный судья военного суда не распорядился о проведении медицинского освидетельствования кого-либо из обвиняемых, даже несмотря на то, что на теле некоторых из них имелись следы насилия. Адвокаты других обвиняемых выступили с такими же жалобами на действия следственного судьи. В своем временном постановлении от 8 февраля 2013 года военный суд зафиксировал утверждения обвиняемых о применении пыток, но не принял никаких мер. Ни военный суд, ни прокурор не отреагировали на эти утверждения о пытках путем проведения расследования. В своем докладе от 4 августа 2014 года, после встречи с 22 заключенными, которые были осуждены в связи с закрытием лагеря Гдейм Изик, Рабочая группа по произвольным задержаниям «с обеспокоенностью отмечает, что утверждения о пытках и жестоком обращении в течение почти двух лет, предшествовавших суду, не были расследованы» (A/HRC/27/48/Add.5, п. 68).

⁴ В протоколе допроса, проведенного 4 ноября 2011 года, заявитель в присутствии своего защитника ответил, что все отрицает, что его заявления в судебной полиции были сделаны после того, как он был подвергнут пыткам, и что он подписал их с завязанными глазами.

⁵ С одной стороны, это ходатайство было отклонено прокуратурой, которая не начала расследование в нарушение положений Уголовного кодекса. С другой стороны, суд решил присоединить рассмотрение основного вопроса, касающегося признания недействительности

спустя более шести лет после рассматриваемых событий, Председатель Апелляционного суда согласился с тем, что обвиняемые должны пройти судебно-медицинское освидетельствование. Однако они были направлены к трем марокканским судмедэкспертам, не прошедшим подготовку по положениям Руководства по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Стамбульский протокол) и не предоставившим достаточных гарантий независимости. Поэтому заявитель отказался пройти освидетельствование, опасаясь, что выводы заключения будут сфальсифицированы и использованы для подтверждения действительности протоколов.

2.12 19 июля 2017 года Апелляционный суд Рабата подтвердил пожизненное заключение заявителя после судебного разбирательства, которое вновь нарушило все основные правила, касающиеся права на защиту и справедливое судебное разбирательство, и не позволило начать расследование по факту пыток. 29 сентября 2017 года заявитель подал кассационную жалобу, которая была отклонена Кассационным судом 25 ноября 2020 года.

2.13 16 сентября 2017 года заявитель был переведен из тюрьмы Эль-Аржата в тюрьму Кенитры. Поскольку его родственники и адвокаты не были проинформированы об этом, заявитель был произвольно и без какой-либо причины лишен возможности свиданий со своими родственниками. 4 декабря 2017 года его изолировали от остальных, поместив на десять дней без какой-либо причины в уборную⁶. Ему также было отказано в возможности встретиться со своим французским адвокатом, которому было отказано во въезде в Марокко, и в течение этого периода он не имел доступа к врачу, несмотря на ухудшение его физического состояния⁷. Заявителя поместили во влажную и плохо вентилируемую камеру на первом этаже, где стены были покрыты плесенью, а с потолка капала вода. Он неоднократно оставался запертым в своей камере в течение 22 или даже более часов в сутки. Внутренний двор, где он мог ходить, был похож на маленький коридор и имел высокую стену, препятствующую проникновению солнечных лучей. Заявитель постоянно испытывал холод, и на нем сильно сказывались отсутствие света и изоляция. На настоящий момент его положение остается неизменным, и родственники больше не могут посещать его каждую неделю, поскольку тюрьма находится более чем в 1200 км от Эль-Аюна. Кроме того, ему разрешается разговаривать по телефону с родственниками только один раз в неделю в течение нескольких минут.

2.14 1 марта 2018 года заявитель и остальные члены группы в тюрьме Кенитры объявили 24-часовую голодовку, отказавшись принимать пищу до тех пор, пока им не разрешат увидеться со своими родственниками, а также в знак протеста против ежедневного жестокого обращения со стороны охранников. Начальник тюрьмы сообщил заключенным, что он получил официальную инструкцию, согласно которой в случае объявления голодовки они будут помещены в одиночные камеры. Соответственно 9 марта 2018 года заявитель и другие заключенные были помещены в одиночные камеры до 12 апреля 2018 года. В течение 33 дней голодовки заявитель содержался в камере площадью чуть более двух квадратных метров, без вентиляции, чрезвычайно влажной (стены были покрыты плесенью), холодной, без естественного освещения, без кровати и не отвечающей минимальным требованиям гигиены. В камере было полно паразитов, а напольный туалет находился прямо рядом с его

протоколов, к рассмотрению дела по существу, о чем свидетельствует судебное решение. Таким образом, стало возможным обсуждать протоколы в течение шести месяцев судебного разбирательства, о чем свидетельствует судебное решение, и решение, касающееся их действительности, несмотря на ходатайство о признании их недействительными, было принято только в конце разбирательства одновременно с вынесением приговора.

⁶ Жалоба, которую его мать подала начальнику тюрьмы 14 декабря 2017 года, осталась без ответа.

⁷ Уведомление об отказе, приобщенное к материалам дела, указывает на то, что адвокат заявителя прибыла в Касабланку 12 февраля 2018 года, но ей был запрещен въезд в страну и она была вынуждена вернуться на следующий день. Однако 23 декабря 2016 года адвокат получила от марокканского Министерства юстиции разрешение представлять заявителя.

головой, когда он спал. После окончания одиночного заключения у заявителя развилась дыхательная недостаточность.

2.15 9 марта 2018 года адвокат заявителя обжаловала это новое решение о помещении заявителя в одиночную камеру. Затем, 12 марта 2018 года, она подала в Генеральную прокуратуру Королевства жалобу на жестокое обращение, преднамеренно примененное государственным должностным лицом. Хотя эта жалоба была повторно подана 10 апреля 2018 года, марокканские власти до сих пор не ответили на нее.

2.16 14 мая 2018 года адвокат заявителя проинформировала Комитет о том, что с 7 мая 2018 года заявитель вновь находится в одиночной камере. 27 июня, 27 июля и 5 сентября 2018 года адвокат подтвердила, что заявитель по-прежнему проводит 22 часа в сутки в одиночном заключении и не посещал врача, несмотря на ухудшение его здоровья. Помимо двух свиданий с родственниками и одного телефонного звонка каждую пятницу продолжительностью в несколько минут, заявителю не разрешалось поддерживать какие-либо контакты с внешним миром, и он регулярно подвергался произвольным обыскам.

2.17 Заявитель каждый день страдает от шрамов, возникших в результате пыток, которым он подвергся. Он страдает бессонницей, ночными кошмарами, провалами в памяти, часто вздрагивает и испытывает приступы тревоги, а его руки и ноги покрыты шрамами. У него также имеются симптомы, которые, по его словам, не наблюдались до задержания: боль в спине, острая боль в ногах, астма, проблемы с кишечником и дыхательная недостаточность.

2.18 16 января 2021 года заявитель обратился к королевскому прокурору в суде первой инстанции Хемиссета с просьбой обеспечить выполнение мер защиты, запрошенных Комитетом. Несмотря на назначенное на 9 марта 2021 года посещение врача, заявитель до сих пор не был доставлен к врачу. Состояние его здоровья по-прежнему вызывает беспокойство. Условия его содержания под стражей не изменились. Он по-прежнему находится в одиночной камере.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что он был лишен возможности общаться с другими заключенными и что он не получал никаких новостей из внешнего мира. Кроме того, в его неотопливаемой камере не было естественного освещения или вентиляции. Он был лишен достаточного количества воды и мог принимать душ очень редко, иногда с интервалом в несколько месяцев. Условия содержания под стражей оказывают негативное воздействие на его здоровье, которое ухудшалось в течение многих лет его содержания под стражей, особенно после одиночного заключения, которому он подвергался в течение 33 дней.

3.2 Физическое насилие, которому заявитель подвергался во время ареста, допроса в полицейском участке, а затем в жандармерии Эль-Аюна, а также обращение, которому его подвергли с целью получения признательных показаний во время его перевозки самолетом, представляют собой акты пыток в соответствии со статьей 1 Конвенции. Методы, известные как «фалака» и «жареная курица», по существу представляют собой акты пыток. Акты и обращение, которым он подвергался, представляют собой по меньшей мере жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание в соответствии со статьей 16. Кроме того, непринятие марокканскими властями мер по созданию эффективной системы предупреждения пыток является нарушением статьи 2 Конвенции.

3.3 Несмотря на следы физического насилия и заявления, сделанные заявителем перед следственным судьей военного суда, последний не принял во внимание его утверждения, проигнорировал имеющиеся у него телесные повреждения и не потребовал проведения медицинского освидетельствования. Кроме того, военный суд также не принял во внимание утверждения заявителя об актах пыток при вынесении решения о его осуждении. Отсутствие до настоящего времени расследования не позволяет заявителю получить реабилитацию, компенсацию, поддержку и гарантии неповторения преступления в нарушение статьи 14 Конвенции.

3.4 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то с момента событий и представления первых утверждений о применении пыток прошло почти восемь лет, при этом никакого расследования не было начато. Отмена решения военного суда и новое решение Апелляционного суда Рабата ничего не изменили. Все еще не существует независимого механизма для рассмотрения жалоб заключенных на жестокое обращение во время их содержания под стражей.

3.5 Комитет уже отметил в деле *Асфари против Марокко*⁸, которое касалось одного из обвиняемых, что г-н Асфари заявлял в различных судебных инстанциях Марокко об актах пыток, которым он неоднократно подвергался, однако никакого расследования так и не было проведено и военный суд не принял во внимание утверждения о применении пыток. Комитет также отметил, что Марокко превысило разумный срок для отправления правосудия, не проводя более шести лет расследования предполагаемых актов пыток.

3.6 В соответствии со статьей 11 Конвенции государство-участник должно систематически рассматривать условия содержания под стражей и обращения с лицами, подвергнутыми любой форме ареста, задержания или тюремного заключения на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, чего в данном случае сделано не было. Международные органы и организации в своих докладах осуждают условия содержания под стражей, ссылаясь на недоедание, жестокое обращение, злоупотребления и отсутствие эффективного механизма подачи жалоб для заключенных в Марокко.

3.7 Заявитель напоминает, что 22 ноября 2010 года он был доставлен с видимыми следами пыток к следственному судье, который не зафиксировал эти факты в протоколе и не начал немедленного расследования. 4 марта 2011 года он прямо заявил следственному судье о том, что подвергался пыткам, однако расследование не было начато. Кроме того, суды не приняли во внимание его утверждения об актах пыток при вынесении решения о его осуждении. Это свидетельствует о том, что государство-участник не выполнило свои обязательства, вытекающие из статей 12 и 13 Конвенции.

3.8 Наконец, заявитель всегда утверждал перед национальными властями, что его осуждение основывалось исключительно на предполагаемых признательных показаниях, хотя он утверждает, что ни в чем не признавался, а был вынужден под пытками, будучи в наручниках и с завязанными глазами, оставить свои отпечатки пальцев в качестве подписи на документе, содержание которого было ему неизвестно. Марокканские власти никогда не проводили расследования для проверки достоверности его заявлений. Несмотря на заявления, которые он сделал перед следственным судьей, военный суд, а затем и Апелляционный суд Рабата приняли во внимание первый протокол, хотя в нем содержались предполагаемые признательные показания, полученные под пытками. Хотя заявитель через своих адвокатов оспаривал доказательственную силу признательных показаний, подписанных под пытками, на различных этапах возбужденного против него разбирательства, Апелляционный суд Рабата утвердил эти протоколы без проведения расследования. Не проведя никакой проверки и используя указанные заявления в ходе судебного разбирательства в отношении заявителя, государство-участник явно нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции.

3.9 Заявитель просит прекратить его одиночное заключение и направить к нему врача, не связанного с пенитенциарным учреждением, который мог бы объективно подтвердить, совместимо ли состояние его здоровья с его содержанием под стражей.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 16 июля 2018 года государство-участник оспорило приемлемость жалобы в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты и злоупотреблением правом на подачу жалобы.

⁸ CAT/C/59/D/606/2014.

4.2 Государство-участник поясняет, что лица, арестованные в ходе ликвидации лагеря Гдейм Изик, были арестованы за участие в преступных действиях, приведших к гибели 11 безоружных сотрудников сил безопасности. За ходом судебного разбирательства следили представители гражданского общества, а также национальные и международные наблюдатели и журналисты, присутствовавшие на заседаниях. Решение военного суда было отменено, и дело было передано в гражданский суд, в данном случае в Апелляционный суд Рабата, который оставил в силе приговор заявителя к пожизненному заключению. Это решение стало предметом новой кассационной жалобы заявителя. Поэтому государство-участник считает, что внутренние средства правовой защиты еще не исчерпаны, в частности в связи с тем, что судебное разбирательство все еще продолжается.

4.3 Представление жалобы в Комитет происходит спустя почти восемь лет после предполагаемых событий. В этом контексте государство-участник интересуется реальными причинами, побудившими заявителя ждать так много лет, прежде чем предпринять этот шаг.

4.4 Заявитель никогда официально не обращался с жалобой на действия, предположительно совершенные во время или после его содержания под стражей в полиции, и не предпринял шагов для подачи такой жалобы в какой-либо судебный орган или даже любой другой национальный правозащитный механизм на местном или национальном уровне. Кроме того, после заявлений о применении пыток, сделанных в Апелляционном суде Рабата, суд постановил провести медицинское освидетельствование, но заявитель отказался его пройти.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5. В своих комментариях от 17 июля 2018 года заявитель настаивает на том, что тот факт, что с момента событий прошло более восьми лет и государство-участник не провело никакого расследования, несмотря на неоднократные утверждения заявителя в различных марокканских судах, сам по себе является доказательством неэффективности внутренних средств правовой защиты. Апелляция, по-прежнему находящаяся на рассмотрении Кассационного суда, не может, по мнению заявителя, рассматриваться в качестве эффективного и действенного средства правовой защиты, поскольку суд выносит постановления только по правовым вопросам и только на основании представленного ему дела, а именно фактов, в которых обвиняется заявитель. Кроме того, хотя государство-участник утверждает, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, оно не предоставило подробную информацию об эффективных средствах правовой защиты.

Дополнительные замечания сторон

Государство-участник

6.1 После того, как 21 сентября 2018 года Комитет предложил государству-участнику направить свои комментарии в ответ на утверждения заявителя относительно выполнения временных мер, запрошенных Комитетом, 24 октября 2018 года государство-участник направило свой ответ. Оно решительно оспаривает утверждения заявителя о жестоком обращении, в частности утверждения, касающиеся условий, в которых осуществлялись его переводы, и конкретного контроля за состоянием его здоровья.

6.2 В тюрьме Кенитры на основании статьи 61 Закона № 23/98 от 25 августа 1999 года об организации и функционировании пенитенциарных учреждений заявитель подвергся десятидневному дисциплинарному взысканию с 4 по 13 декабря 2017 года за нарушение правил внутреннего распорядка тюрьмы, строго запрещающих передачу определенных предметов в камеру и владение ими — в данном случае мобильного телефона. Кроме того, с 9 марта по 10 апреля 2018 года он провел голодовку вместе с другими заключенными, которые были переведены в специально отведенные для этого помещения, где их самих и состояние их здоровья легче контролировать. Размещение заключенных в таких специальных помещениях никоим

образом не может считаться дисциплинарной мерой. В течение всего этого периода времени в отношении заявителя осуществлялось расширенное медицинское наблюдение.

6.3 Государство-участник указывает, что 5 мая 2018 года (а не 7 мая 2018 года, как сообщает его адвокат) заявитель был переведен в местную тюрьму Тифлет-2, которая является новым пенитенциарным учреждением. В настоящее время он содержится — в условиях обычного режима содержания под стражей — в отдельной камере, которая соответствует международным стандартам содержания под стражей. Такое помещение в отдельную камеру ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как одиночное заключение, критерии и применение которого строго регламентируются законом. В период с 7 по 15 мая 2018 года заявитель был подвергнут дисциплинарному взысканию за еще одно нарушение правил внутреннего распорядка тюрьмы.

6.4 Государство-участник утверждает, что заявитель всегда находился под соответствующим медицинским наблюдением и при необходимости ему оказывалась вся необходимая медицинская помощь. В его медицинской карте отражены все виды оказанной ему помощи. Его лечение назначается на постоянной основе и не подлежит никаким ограничениям. Способы, которыми врачи за пределами тюрьмы оказывают помощь заключенным, определяются тюремными врачами.

6.5 На сегодняшний день состояние заявителя остается вполне стабильным и нормальным⁹. Вопреки утверждениям он ни в коей мере не отрезан от контактов с внешним миром. Он имеет право на свидания, его регулярно навещают родственники и друзья, и он свободно общается со своим защитником. Национальный совет по правам человека — национальное учреждение по защите и поощрению прав человека, аккредитованное Глобальным альянсом национальных правозащитных учреждений со статусом А, — регулярно и внимательно следит за условиями содержания заявителя под стражей.

Заявитель

7.1 8 ноября 2018 года заявитель все еще находился в одиночной камере в тюрьме Тифлет-2 и начинал тридцать восьмой день голодовки с целью добиться прекращения одиночного заключения и репрессий, которым он подвергался, а также получить доступ к врачу. Несмотря на очень четкие положения, содержащиеся в марокканском законодательстве¹⁰, он до сих пор не посещал врача. Состояние его здоровья продолжает ухудшаться не только из-за последствий голодовки, но и из-за тяжелых условий содержания под стражей, в том числе из-за низких температур и отсутствия одеяла или каких-либо других способов защиты от холода.

7.2 20 декабря 2018 года заявитель проинформировал Комитет о том, что государство-участник до сих пор не выполнило ни одной из запрошенных временных мер. Однако, несмотря на частые обыски в его камере и отсутствие у него доступа к врачу, ему разрешалось выходить из камеры на один час в день.

Решение Комитета по вопросу о приемлемости сообщения

8.1 5 августа 2019 года на своей шестьдесят седьмой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости жалобы и признал ее приемлемой в той мере, в какой она затрагивает вопросы, касающиеся статей 1, 2 и 11–16 Конвенции. Комитет пришел к выводу, что государство-участник не продемонстрировало, что средства правовой защиты, имеющиеся для осуждения актов пыток, были на практике предоставлены заявителю для отстаивания его прав в соответствии с Конвенцией.

⁹ 2 октября 2018 года заявителя посетил заместитель королевского прокурора в суде первой инстанции Тифлета, а 9 октября 2018 года — региональный директор Рабата-Сале-Кенитры из Генеральной делегации по вопросам управления тюрьмами и реинтеграции.

¹⁰ См. Марокко, Закон № 23/98 от 25 августа 1999 года об организации и функционировании пенитенциарных учреждений.

8.2 Комитет пришел к выводу, что период времени в один год, прошедший между вынесением решения Апелляционного суда Рабата и подачей жалобы в Комитет, не может считаться свидетельством того, что имело место злоупотребление правом на подачу жалобы, напомнив, что ни в Конвенции, ни в его правилах процедуры не установлены сроки подачи жалобы.

Замечания государства-участника относительно существа сообщения

9.1 12 июня и 9 сентября 2020 года государство-участник повторило свои возражения против приемлемости сообщения. Затем оно прокомментировало просьбы Комитета о принятии временных мер и условия содержания заявителя под стражей.

9.2 Вопреки тому, что продолжает утверждать заявитель, он никогда не подвергался одиночному заключению. Было бы неправильно считать помещение заявителя в отдельную камеру, которое являлось дисциплинарным взысканием, применяемым в соответствии с положениями закона и строго ограниченным по времени, непрерывным одиночным заключением. Заявитель действительно не мог получать свидания с родственниками, но его ежедневно посещал врач, и он мог принимать своих адвокатов. Однако в ходе данного дисциплинарного взыскания такой просьбы не поступало.

9.3 После перевода в тюрьму Тифлет-2 заявителя несколько раз посещал прокурор¹¹. Он содержится в отдельной камере площадью 20 квадратных метров, отвечающей соответствующим международным стандартам, и ему предоставлены одеяла и телевизор. Содержание в отдельной камере ни в коем случае не может рассматриваться как одиночное заключение. Заявитель пользуется своим правом на часовую прогулку в день и на свидания с родственниками и уже получил в общей сложности 27 свиданий. Он общается со своей семьей по стационарному телефону учреждения один раз в неделю в течение десяти минут. В связи с пандемией коронавирусного заболевания (COVID-19) заявителю предоставляются четыре телефонных звонка в неделю продолжительностью 25 пять минут.

9.4 С момента перевода в тюрьму Тифлет-2 заявитель получил 32 внутренние консультации врачей общей практики, 13 внутренних стоматологических консультаций и две внешние консультации специалистов. Он также прошел три биологических теста, которые не выявили никаких отклонений.

9.5 Заявитель имел возможность обратиться со своими жалобами к прокурору¹², однако эти жалобы после слушания дела были оставлены без удовлетворения за необоснованностью. Мать и сестра заявителя также жаловались на жестокое обращение с заявителем, что было опровергнуто соответственно прокурором и Генеральной делегацией по вопросам управления тюрьмами и реинтеграции. Заявитель не стесняется как можно чаще использовать свое право на подачу жалоб исключительно в целях оказания давления на тюремную администрацию, с тем чтобы она предоставила ему привилегии, которых он требует, или приняла решение о его переводе¹³.

9.6 Что касается фактов, государство-участник считает неприемлемым полагать, как следует из жалобы, что силы порядка «напали» на лагерь Гдейм Изик. Десятки людей напали на автомобиль скорой помощи, как видно на видеозаписи, размещенной в Интернете, забили камнями сотрудника гражданской обороны, а затем напали на блокпост Королевской жандармерии, где убили одного жандарма. Один из нападавших был снят на видео, когда мочился на его труп. Прибыв в Эль-Аюне,

¹¹ Государство-участник не указывает причину этих посещений.

¹² 30 сентября 2019 года — из-за поведения начальника тюрьмы (который не сдержал своих обещаний относительно медицинского обслуживания, прогулок и перевода заявителя) и 14 октября 2019 года — из-за преследований со стороны некоторых сотрудников тюрьмы (один из которых ударил его дверью камеры и угрожал ему насилем).

¹³ По словам начальника тюрьмы, просьба заявителя о переводе была мотивирована желанием сгруппировать в одной тюрьме заключенных, проходивших по делу лагеря Гдейм Изик, чтобы получить привилегии, не соответствующие закону.

отдельные лица совершили еще один акт варварства — хладнокровно перерезали горло сотруднику вспомогательных сил.

9.7 В ходе расследования было неопровержимо установлено, что заявитель был в числе главных исполнителей актов насилия и расправ, совершенных против сотрудников сил правопорядка. Он был арестован 20 ноября 2010 года и помещен под стражу в полицию до 21 ноября 2010 года по указанию Генеральной прокуратуры в Эль-Аюне. Его семья была уведомлена о его аресте. Во время допроса заявитель добровольно и спонтанно признался в деяниях, в совершении которых его обвиняли. Затем он прочитал свои показания и свободно подписал их, поставив рядом с подписью отпечаток большого пальца, и даже написал свои фамилию и имя. Что касается рассказа о том, чему, как утверждает заявитель, он подвергся в результате его «похищения марокканскими властями», государство-участник полностью отвергает эти необоснованные утверждения, которые являются чистым вымыслом и не преследуют иной цели, кроме как дискредитировать разбирательства и расследование и, прежде всего, позволить заявителю оправдать себя в связи с очень серьезными обвинениями.

9.8 Что касается существа сообщения, государство-участник напоминает, что после заявлений о пытках и жестоком обращении, сделанных в Апелляционном суде Рабата, суд постановил провести медицинское освидетельствование; однако заявитель отказался его пройти. Этим отказом заявитель явно демонстрирует свою недобросовестность и отсутствие заинтересованности в установлении фактов и истины. Этот отказ также сам по себе подтверждает, что заявитель знает, что его утверждения не соответствуют действительности. Суд назначил трехстороннюю комиссию под председательством профессора судебной медицины, в состав которой вошли врач, специализирующийся на травматологии и ортопедии, психиатр и судебный эксперт Апелляционного суда Рабата. Поэтому государство-участник опровергает утверждения о том, что судебно-медицинское освидетельствование было поручено трем судмедэкспертам, которые не прошли подготовку по Стамбульскому протоколу и не предоставили достаточных гарантий независимости.

9.9 Вопреки утверждениям заявителя о том, что марокканские суды систематически выносят приговоры, основанные в большой степени на признательных показаниях, полученных судебной полицией, следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает, что протоколы и рапорты, составленные сотрудниками судебной полиции для регистрации правонарушений и проступков, являются подлинными, пока не доказано обратное, тогда как протоколы, составленные последними в связи с преступлениями, представляют собой просто информацию, подлежащую единоличной оценке судьи. При вынесении своего решения Апелляционный суд, помимо заявлений обвиняемых, принял другие доказательства, включая показания свидетелей обвинения, видеозаписи и фотографии с места преступления, а также записи телефонных переговоров.

9.10 24 ноября 2020 года государство-участник выразило удивление по поводу того, что ему вновь приходится рассматривать вопрос о временных мерах защиты, и осудило ложный и повторяющийся характер утверждений адвоката заявителя. Условия содержания заявителя под стражей были и остаются совершенно нормальными. Он действительно несколько раз жаловался на условия содержания под стражей, но его утверждения оказались необоснованными. С тех пор как он находится в тюрьме Тифлет-2, ни один адвокат, представляющий его интересы, не явился в тюрьму и не попросил поговорить с ним по телефону, что было бы зарегистрировано администрацией тюрьмы. Со своей стороны, заявитель не потребовал встречи с адвокатом. Наконец, здоровье заявителя до настоящего времени было удовлетворительным.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника относительно существа сообщения

10.1 В своих комментариях от 21 декабря 2020 года заявитель отмечает, что государство-участник продолжает попытки переложить бремя доказывания. Суды и прокуратура не выполнили обязательство автоматически начать расследование, хотя

имелись разумные основания полагать, что его признательные показания были получены в результате применения пыток и жестокого обращения, или немедленно назначить независимую медицинскую экспертизу.

10.2 Замечания государства-участника по существу дела не содержат никаких доказательств того, что положения статей 1, 2 и 11–16 Конвенции были соблюдены. Государство-участник не указывает, что в период совершения упомянутых деяний было проведено какое-либо медицинское обследование заявителя, что ему была предоставлена оперативная и независимая юридическая и медицинская помощь или что он смог незамедлительно установить контакт со своей семьей. Напротив, из протокола следует, что он не мог связаться со своей семьей или адвокатом. В отсутствие информации от государства-участника, оспаривающей эти утверждения, следует считать, что государство-участник не выполнило свои обязательства по пункту 1 статьи 2 и статье 11 Конвенции.

10.3 Государство-участник не продемонстрировало, что следственный судья или военный суд приняли во внимание утверждения заявителя о пытках и нанесенных ему травмах и потребовали проведения расследования или, по крайней мере, медицинского освидетельствования, несмотря на то что это насилие причинило заявителю острые страдания. Со стороны властей имело место непроведение расследования, что несовместимо с обязательством государства-участника по статье 12 Конвенции. Не выполнив данное обязательство, государство-участник также пренебрегло своей обязанностью по статье 13 обеспечить заявителю право на подачу жалобы.

10.4 Показания заявителя, которые, как установлено, были получены под пытками, были использованы в качестве доказательств в ходе судебного разбирательства. Из решения Апелляционного суда следует, что признательные показания заявителя стали решающим фактором при вынесении решения о его осуждении несмотря на то, что государство-участник не выполнило свое обязательство по проведению немедленного и беспристрастного расследования утверждений о пытках. Апелляционный суд не принял во внимание серьезным образом утверждения о пытках при вынесении решения об осуждении заявителя на основании его признательных показаний, отрицая даже то, что эти утверждения были сделаны в ходе судебного разбирательства.

10.5 Кроме того, уже было установлено, что медицинские экспертизы, назначенные Апелляционным судом, не были беспристрастными и что в любом случае они не были проведены в рамках расследования по факту применения пыток. Таким образом, тот факт, что заявитель отказался проходить такие обследования, не может быть использован против него. Исходя из этих доказательств, следует считать, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 15 Конвенции.

10.6 Что касается нынешнего положения заявителя, то прокурор никогда не уведомлял его о том, что его жалобы были отклонены. Государство-участник не представляет никаких доказательств того, что все жалобы были рассмотрены. Адвокат заявителя не имеет разрешения на общение с ним, несмотря на неоднократные просьбы об этом. Наконец, количество консультаций настолько велико, что состояние здоровья заявителя не может всерьез считаться «удовлетворительным».

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение сообщения по существу

11.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

11.2 Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что физическое насилие, которому он подвергался во время ареста, допроса в полицейском участке, а затем в жандармерии Эль-Аюна, а также обращение, которому подвергли с целью получения признательных показаний во время его перевозки самолетом, представляют собой акты пыток в соответствии со статьей 1 Конвенции. 22 ноября 2010 года заявитель был доставлен к следственному судье военного суда с видимыми следами

пытках, о которых он прямо заявил следственному судье 4 марта 2011 года, а затем в военном суде, который 15 февраля 2013 года отклонил ходатайство о проведении расследования по этим заявлениям о пытках, поскольку заявитель не поднимал вопрос о них на стадии предварительного расследования. Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя о том, что к нему применялись методы, известные как «фалака» и «жареная курица», которые по сути являются актами пыток. Согласно государству-участнику, заявитель не обращался официально с утверждениями о пытках в компетентные органы. Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой любое лицо, лишенное свободы, должно иметь возможность оперативно получать независимую юридическую и медицинскую помощь и вступать в контакт с родственниками в целях предупреждения пыток¹⁴. Комитет также отмечает одиночное заключение, которому неоднократно подвергался заявитель, и напоминает о своей позиции по этому вопросу, а именно: одиночное заключение может представлять собой вид пытки или жестокого обращения и должно использоваться в качестве крайней меры в исключительных обстоятельствах в течение как можно более короткого времени под строгим контролем и с возможностью судебного пересмотра¹⁵. Принимая во внимание тот факт, что, по словам заявителя, он не получил доступа ни к одной из этих гарантий во время досудебного содержания под стражей и одиночного заключения, и в отсутствие убедительной информации от государства-участника, ставящей под сомнение эти утверждения, Комитет считает, что физическое насилие и травмы, которые заявитель получил во время его ареста, допроса и содержания под стражей, представляют собой пытку по смыслу статьи 1 Конвенции¹⁶.

11.3 Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что акты и обращение, которым он подвергался, если не рассматривать их как акты пытки, представляют собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание в соответствии со статьей 16 Конвенции. Комитет считает, что эти утверждения относятся к фактам, которые также представляют собой нарушение статьи 1 Конвенции. Следовательно, Комитет не считает необходимым отдельно рассматривать жалобы по статье 16¹⁷.

11.4 Заявитель также ссылается на пункт 1 статьи 2 Конвенции, в соответствии с которым государство-участник должно было принять законодательные, административные, судебные и другие эффективные меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией. Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Марокко, в которых он выразил свою озабоченность по поводу событий в Западной Сахаре и утверждений, в частности, о пытках, жестоком обращении и получении признательных показаний под пытками¹⁸, и настоятельно призвал государство-участник безотлагательно принять конкретные меры для предупреждения любых актов пыток и жестокого обращения и проводить такую политику, которая давала бы осязаемые результаты в плане достижения цели полного искоренения практики применения пыток и жестокого обращения должностными лицами государства. В данном случае Комитет принимает к сведению утверждения заявителя об обращении с ним со стороны должностных лиц государства, когда он находился под стражей в полиции, не имея возможности связаться со своими родственниками или получить доступ к адвокату или врачу. Государственные власти не приняли никаких мер для расследования актов пытки, которым подвергся заявитель, и, при необходимости, наказания за них, несмотря на видимые следы пыток, которые он демонстрировал, и жалобы, которые он подавал в связи с этим следственному судье и военному суду. Учитывая вышеизложенное, Комитет приходит к выводу о нарушении пункта 1 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 1 Конвенции¹⁹.

¹⁴ См. Комитет против пыток, замечание общего порядка № 2 (2007).

¹⁵ CAT/C/51/4, п. 32.

¹⁶ *Асфари против Марокко*, п. 13.2.

¹⁷ *Рамирес Мартинес и др. против Мексики* (CAT/C/55/D/500/2012), п. 17.4.

¹⁸ CAT/C/MAR/CO/4, п. 12. См. также CСPR/C/MAR/CO/6, пп. 23 и 24.

¹⁹ См., например, *Ндарисигаранье против Бурунди* (CAT/C/62/D/493/2012 и CAT/C/62/D/493/2012/Corr.1), п. 8.3; и *Е.Н. против Бурунди* (CAT/C/56/D/578/2013), п. 7.5.

11.5 Согласно заявителю, была нарушена статья 11 Конвенции, поскольку государство-участник не осуществляло необходимого надзора за обращением с ним во время его содержания под стражей. Несмотря на ухудшение состояния его здоровья, он не получал надлежащую помощь врача по своему выбору; он содержался под стражей в условиях недоедания и подвергался жестокому обращению и издевательствам со стороны тюремной администрации; и он не имел доступа к эффективным средствам правовой защиты, чтобы оспорить жестокое обращение. Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Марокко, в которых он выразил сожаление в связи с отсутствием информации о соблюдении на практике основных гарантий, например гарантий осмотра независимым врачом и уведомления членов семьи²⁰. В данном деле государство-участник предоставило информацию об условиях содержания заявителя под стражей, медицинском наблюдении и жалобах на жестокое обращение в заключении только за период после его перевода в мае 2018 года в местную тюрьму Тифлет-2, в то время как он находился под стражей с ноября 2010 года. В отсутствие убедительной информации со стороны государства-участника, способной подтвердить, что содержание заявителя под стражей в течение всего периода действительно происходило под надзором государства-участника, и в отсутствие каких-либо доказательств эффективного рассмотрения жалоб заявителя и медицинского наблюдения за ним после его перевода в тюрьму Тифлет-2, Комитет приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции²¹.

11.6 В качестве следующего шага Комитет должен установить, является ли непроведение расследования в связи с утверждениями о пытках, представленных заявителем в судебные органы, нарушением государством-участником своих обязательств по статье 12 Конвенции. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что: а) 22 ноября 2010 года он был доставлен с видимыми следами пыток, такими как следы побоев и многочисленные раны, покрывающие его тело, к следственному судье военного суда, который не зафиксировал эти факты в протоколе; б) затем 4 марта 2011 года он прямо заявил о применении к нему пыток следственному судье; в) эти же утверждения были озвучены в военном суде в присутствии прокурора; и д) ни на каком этапе прокурор не провел расследование. Государство-участник утверждает, что заявитель не обращался официально с утверждениями о пытках в компетентные органы и что после передачи дела в гражданский суд и после того, как утверждения о пытках были представлены в Апелляционный суд Рабата, суд назначил медицинскую экспертизу, но заявитель, проявив недобросовестность, отказался пройти ее. По словам заявителя, экспертиза, назначенная Апелляционным судом, не была беспристрастной и не проводилась в рамках расследования по фактам применения пыток. Комитет далее принимает к сведению, что, согласно предоставленной ему информации, кассационная жалоба заявителя была отклонена Кассационным судом 25 ноября 2020 года.

11.7 Комитет также отмечает, что следственный судья военного суда не потребовал проведения медицинского освидетельствования, хотя на теле заявителя имелись явные следы физического насилия, и что никакого расследования в этой связи проведено не было. Кроме того, военный суд не принял во внимание утверждения заявителя о фактах применения пыток при вынесении решения о его осуждении, а государство-участник отрицает, что такие утверждения были сделаны в ходе разбирательства. Комитет также отмечает, что государство-участник весьма существенно превысило разумные сроки для отправления правосудия по делу заявителя: с момента событий и представления первых утверждений о применении пыток прошло 11 лет, при этом никакого расследования не было начато. Кассационная жалоба никоим образом не изменила эту ситуацию, и заявитель по-прежнему содержится под стражей на основании его признательных показаний, подписанных под принуждением. В свете вышеизложенного Комитет считает, что отсутствие какого-либо расследования утверждений о применении пыток в деле заявителя несовместимо с обязательством государства-участника согласно статье 12 Конвенции принимать меры к тому, чтобы

²⁰ CAT/C/MAR/CO/4, п. 7.

²¹ *Е.Н. против Бурунди*, п. 7.6.

его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что был совершен акт пытки²².

11.8 В этих обстоятельствах государство-участник также пренебрегло своим обязательством по статье 13 Конвенции обеспечить заявителю право на подачу жалобы, которое предполагает, что власти примут в связи с этой жалобой адекватные меры путем проведения оперативного и беспристрастного расследования²³. Комитет отмечает, что статья 13 Конвенции не требует официального представления жалобы на применение пыток в соответствии с процедурой, предусмотренной внутренним законодательством, равно как и наличия четко выраженного стремления возбуждать уголовный иск; одно лишь заявление жертвы о доведении соответствующих фактов до сведения государственных властей представляется достаточным для возникновения обязательства рассматривать такое заявление в качестве хотя и косвенного, но недвусмысленного желания жертвы добиваться проведения быстрого и беспристрастного расследования, как того требует данное положение Конвенции²⁴. Комитет приходит к выводу, что факты в данном деле также представляют собой нарушение статьи 13 Конвенции.

11.9 Что касается утверждений заявителя в связи со статьей 14 Конвенции, то Комитет напоминает, что это положение не только признает право на справедливую и адекватную компенсацию, но и предусматривает обязательство государств-участников обеспечивать получение возмещения жертвой пыток. Это возмещение должно охватывать всю совокупность причиненного ущерба и включает реституцию, компенсацию, а также меры, гарантирующие невозможность повторения нарушений, с обязательным учетом обстоятельств каждого дела²⁵. В данном деле Комитет отмечает, что, как утверждает заявитель, он страдает от физических и психологических последствий насилия, которому он подвергся. Тот факт, что следственный судья военного суда не распорядился о проведении медицинского освидетельствования, не позволил заявителю воспользоваться мерами по реабилитации, компенсации, медицинскому уходу и обеспечению гарантий неповторения преступления. Поэтому Комитет считает, что отсутствие оперативного и беспристрастного расследования лишило заявителя возможности воспользоваться своим правом на возмещение в нарушение статьи 14 Конвенции²⁶.

11.10 Заявитель также утверждает, что были нарушены его права по статье 15 Конвенции, поскольку он был осужден на основании признательных показаний, полученных под пыткой. Он утверждает, что ни в чем не признавался, а был вынужден, будучи в наручниках и с завязанными глазами, подписать документ, содержание которого было ему неизвестно.

11.11 Комитет напоминает, что общий смысл положений статьи 15 вытекает из абсолютного характера запрещения пыток и, следовательно, предполагает обязательство любого государства-участника проверять, не были ли заявления, которые используются в ходе разбирательства, находящегося в его компетенции, получены с помощью пыток²⁷. В данном деле, по словам заявителя, показания, подписанные им под пытками, послужили основанием для его обвинения и осуждения, и он через своего адвоката безуспешно оспаривал доказательственную силу признательных показаний, подписанных под пытками, на различных этапах возбужденного против него разбирательства. Комитет также отмечает, что суд не принял во внимание серьезным образом утверждения о пытках при вынесении решения об осуждении заявителя на основании его признательных показаний, отрицая то, что эти утверждения были представлены в ходе судебного разбирательства.

²² *Асфари против Марокко*, п. 13.4.

²³ *Бендиб против Алжира* (CAT/C/51/D/376/2009), п. 6.6.

²⁴ *Паро против Испании* (CAT/C/14/D/6/1990), п. 10.4; *Бланко Абад против Испании* (CAT/C/20/D/59/1996), п. 8.6; и *Лтаиеф против Туниса* (CAT/C/31/D/189/2001), п. 10.6.

²⁵ *Бендиб против Алжира*, п. 6.7.

²⁶ *Нийонзима против Бурунди* (CAT/C/53/D/514/2012), п. 8.6; и *Асфари против Марокко*, п. 13.6.

²⁷ *П.Э. против Франции* (CAT/C/29/D/193/2001), п. 6.3; и *Ктити против Марокко* (CAT/C/46/D/419/2010), п. 8.8.

Комитет считает, что государство-участник было обязано проверить содержание утверждений заявителя. Не проведя никакой проверки и используя указанные заявления в ходе судебного разбирательства в отношении заявителя, государство-участник явно нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции. Комитет напоминает, что в своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Марокко²⁸ он выразил обеспокоенность тем, что в соответствии со сложившейся в государстве-участнике следственной практикой признательные показания часто рассматриваются как доказательства, на основании которых лицо может быть привлечено к ответственности и осуждено, что создает предпосылки для применения пыток и жестокого обращения по отношению к подозреваемым²⁹.

11.12 Наконец, Комитет отмечает, что он четыре раза подтвердил временные меры, запрошенные у государства-участника в момент регистрации настоящей жалобы, а именно: приостановить все меры изоляции, применяемые к заявителю; предоставить заявителю возможность пользоваться услугами врача по его выбору; и определить и незамедлительно осуществить меры, альтернативные содержанию под стражей, такие как домашний арест, с тем чтобы избежать дальнейшего ухудшения состояния его здоровья. Кроме того, в своем решении от 5 августа 2019 года о приемлемости жалобы Комитет напомнил о временных мерах и просил государство-участник облегчить свидания заявителя с членами его семьи и предоставить ему возможность регулярно встречаться со своими родственниками и адвокатом, а также с учетом большого расстояния между ними предложил государству-участнику перевести заявителя в центр содержания под стражей, расположенный ближе к его семье. Комитет отмечает, что государство-участник лишь оспорило утверждения адвоката заявителя и заявило, что условия содержания заявителя под стражей были и остаются совершенно нормальными, не выполнив, однако, мер, запрошенных Комитетом, и не указав на какие-либо препятствия для их осуществления.

11.13 Комитет подчеркивает, что, ратифицировав Конвенцию и добровольно признав компетенцию Комитета в соответствии со статьей 22, государство-участник обязалось добросовестно сотрудничать с процедурой рассмотрения индивидуальных жалоб, установленной этой статьей, и обеспечить ее полное осуществление. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что, не выполнив запрошенные временные меры, государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 22 Конвенции.

12. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, Комитет приходит к заключению, что представленные ему на рассмотрение факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 2, рассматриваемого в совокупности со статьей 1, а также статей 11–15 и 22 Конвенции.

13. Комитет настоятельно призывает государство-участник: а) обеспечить заявителю надлежащее и справедливое возмещение, включая средства, необходимые для как можно более полной реабилитации; б) провести беспристрастное и тщательное расследование рассматриваемых событий в полном соответствии с положениями Стамбульского протокола, с тем чтобы привлечь к суду тех, кто несет ответственность за допущенное обращение с заявителем; в) перевести заявителя на групповой режим заключения в тюрьму, расположенную ближе к его семье; г) воздерживаться от любых актов оказания давления, запугивания или репрессий, которые могут нанести ущерб физической и моральной неприкосновенности заявителя, что в противном случае будет представлять собой нарушение обязательств государства-участника по Конвенции добросовестно сотрудничать с Комитетом в осуществлении положений Конвенции; и е) разрешить заявителю свидания с родственниками и адвокатом в тюрьме.

²⁸ CAT/C/MAR/CO/4, п. 17.

²⁹ *Асфарри против Марокко*, п. 13.8.

14. В соответствии с пунктом 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику проинформировать его в течение девяноста дней с даты препровождения настоящего решения о мерах, принятых им в связи с приведенными выше замечаниями.
